

ДЕЛО НЕМЕЦКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН ПОВОЛЖЬЯ

"Начальнику КПП

Рапорт

Представляю при сем документы вместе с вещами и деньгами, согласно акта обыска и личностями задержанных в поезде N 87, гр<ажданин> БЕЛЛЕНДИР Адама Петровича и БЕЙЛЬМАН Петра Георгиевича ... При производстве личного обыска у гр<ажданин>на БЕЛЛЕНДЕРА обнаружена зашитая в пальто справка на латинском языке от 24.12.29. Гр<ажданин>не, упомянутые выше, по-моему, намеревались нелегально пробраться в Польшу". 10.01.30. Контролер КПП".

Данный рапорт с изъятыми при обыске документами и письмом был направлен в Минск, как и арестованные "на перегоне Полоцк-Борковичи в поезде при въезде в погран<ичную> полосу, без надлежащего пропуска", католические священники Адам БЕЛЛЕНДИР и Петр БЕЙЛЬМАН.

На первом же допросе отец Петр заявил, что едет в Одессу к врачу, но решил ехать кружным путем, а отец Адам — путешествует и, будучи в отпуске, решил заехать к своему знакомому прихожанину. Учтем, что в протоколе допроса было отмечено, что адресов своих знакомых они не знают. А 12 января один из заключенных, находящийся в одной камере с Петром БЕЙЛЬМАНОМ, попросился на допрос и сообщил следователю, что отец Петр попросил его помочь. Протокол его допроса и рапорт следователя с указанием дальнейших действий находится в следственном деле, приведем выдержки из них:

"Находясь в камере отдельно друг от друга, БЕЙЛЬМАН Петр просил одного из арестованных, чтобы таковой сообщил о их аресте в г<ороде> Смоленск письмом следующего содержания: "Арестован — выручайте, брат Иосиф", — обещая крупное вознаграждение"... Сообщаю, что КОЛОСОВУ дано задание взять письмо... Сегодня ночью он получит и передаст завтра мне".

18 января оба арестованных, подозреваемых "в попытке перехода границы нелегально в сторону Польши", были отправлены в Москву для последующих допросов, и в Москве отец Адам стал давать уже иные показания:

"К этому времени власти опять предложили снять колокол, верующие этим чрезвычайно недовольны, я же очутился между двух огней: поддержать власть — настроить верующих против себя; поддержать верующих — меня арестуют. Я же, как истинно верующий, бросить работу ксендза не мыслил. В связи с этим и возникла мысль перебраться туда, где смогу работать, как духовник, без всяких притеснений, где религия государством поддерживается".

20 января был арестован в Москве отец Иосиф ПАУЛЬ, в его "Постановлении на арест" значилось:

"Гр<ажданин> ПАУЛЬ, скрывшийся от суда и следствия из гор<ода> Саратова, проживал в Москве по подложному документу, что установлено, причем ПАУЛЬ занимается сбором шпионских сведений в пользу Германии, а также пытался нелегально перейти госграницу в сторону Польши".

Очевидно, по результатам предварительных допросов задержанных,

30 января в Саратове было утверждено "Постановление о производстве обысков и арестов" на 15 человек, среди них и администратор Тираспольской епархии отец Августин БАУМТРОГ. Эти аресты были произведены 1-2 февраля, среди арестованных был отец Августин и еще шесть священников. Все они для дальнейшего следствия были отправлены в Москву.

Обстановку в немецких селах Поволжья в это время хорошо показывает содержание одного из писем, изъятых во время обыска у отца Августина, и подшитое в деле в качестве вещественного доказательства:

"Лучший патер Августин! 21 числа у меня был обыск: запрещенной литературы, заграничной корреспонденции, оружия — ничего не нашли. Однажды уже хотели проводить общее собрание граждан в церкви и снять колокола, но народ отстоял. Сегодня опять хотят взяться за колокола, дабы никто не услышал бы больше рождественского звона. Мне так жутко, пишу со слезами, народ так притеснен, но и возмущен, кабы только не дошло до насильственных действий. Патер ШЕНФЕЛЬД Як<ов> сидит уже 4 недели, за что, неизвестно. До свидания, возможно в тюрьме".

В декабре, действительно, было арестовано пять священников с полной конфискацией их имущества (якобы, за неуплату продналога), были также закрыты три церкви, а в остальных четырех — службы были запрещены.

Обстоятельства ареста одного из пятерых священников отца ВЕЙНМАЙЕРА подробно изложены в протоколах допросов свидетелей. Рассказывая о проповеди ВЕЙНМАЙЕРА во время перевыборов сельсовета в феврале 1928 года, один из свидетелей привел такие слова пастыря:

"Выбирайте в Совет таких людей, которые бы приносили пользу и для государства, и для вас, крестьян, а главное, чтобы эти люди были христианами, тогда они будут защищать все ваши интересы".

Далее свидетель показал о разговоре со священником, после которого он не стал вступать в колхоз:

"Патер как-то осенью 1929 года в разговоре о коллективизации сказал мне, что коллективы — вещь хорошая, но они преследуют церковь и религию, и те, кто вступают в колхоз, со временем должны отказаться от церкви".

В январе 1930 года этот свидетель ездил по решению группы верующих женщин к прокурору с ходатайством об освобождении их священника. О том, как писалось это ходатайство, он показал:

"Накануне группа женщин — беднячек и батрачек устраивала свое нелегальное собрание в квартире, где обсуждался вопрос об освобождении патера. Был составлен подписной лист, на котором в тот вечер расписалось до 300 человек, исключительно бедняков. Кулаков не принимали и вычеркивали их из списка ввиду того, что они не будут иметь силу".

10 февраля было утверждено "Постановление об аресте" второй группы священников. А 22 февраля копии протоколов их допросов были отправлены в Москву, причем в сопроводительном письме было отмечено, кто из арестованных священников являлся перед арестом "добровольным помощником" чекистов.

26 февраля из Саратова в Москву было передано следующее:

"Сообщаем, что нами от нашего агента получены данные о том,

что КАППЕС является информатором Ватикана по СССР".

В деле находится много показаний на допросах, связанных с поисками скрывшегося отца Алоизия КАППЕСА. Первые показания о его дальнейших планах после отъезда из села и совместных договоренностях дал на допросе в Москве один из арестованных ранее священников:

"КАППЕС рассказал, что был в немецком консульстве два раза: в первый раз его обнадежили, говоря, что возможно легально уехать, но второй раз в консульстве ему сказали, что поскольку эти священники являются русскими подданными, то немецкое посольство предпринять насчет их выезда ничего не может, и сказали, что нелегально перебраться трудно и опасно. Мы с патером КАППЕСОМ условились, что если все будет благополучно и можно будет уехать, то я даю из Смоленска КАППЕСУ телеграмму условного содержания, и он тоже приезжает в Смоленск. Телеграмма должна быть следующего содержания: "Доктор обещал лечить".

Дальнейший путь нелегального существования отца Алоизия прослеживается по показаниям его знакомых, у которых он останавливался. Сначала он прятался в Саратове:

"КАППЕС нам рассказал, что из Камышина он уехал 21 декабря прошлого года, ибо, как он говорил, там преследуют и арестовывают священников, и он опасался ареста. КАППЕС нам рассказал об отобрании в Камышине лютеранской церкви, о том, что ему предложили совместить в одном молитвенном доме и лютеранскую, и католическую службу, что его хотели выселить из дома. Уезжая от нас, КАППЕС был одет следующим образом".

Затем он переехал к знакомому в Москву, о чем рассказала на допросе его жена:

"Мой муж был знаком с КАППЕСОМ, который в течение последних лет, приезжая в Москву, раза три у нас останавливался. Последний раз он был у нас в начале января этого года, причем, переночевал, а утром ему муж сказал, что дальнейшее его пребывание у нас неудобно".

Так, ночуя по одному-двум дням у знакомых, отец Алоизий прожил на нелегальном положении почти восемь месяцев. Но, в конце концов, органам ГПУ удалось его арестовать на вокзале в Харькове, о чем в документах следственного дела значилось так:

"КАППЕС, как и другие члены организации, скрывались по подложным документам в течение продолжительного времени, однако в августе 1930 года все они поочередно были арестованы".

В связи с арестом 24 февраля 1930 года патера Леонарда ЭБЕРЛЕ в селе Каменка прошло закрытое партийное собрание, в протоколе собрания, переданного в соответствующие органы, о деятельности патера было отмечено особо, что "безошибочно можно прийти к таким выводам, что деятельность патера была направлена против различных кампаний, проводимых сов<етской> властью. Правильность этих выводов подтверждает то обстоятельство, что после ареста патера колхоз изо дня в день растет, что работа патера являлась в селе большим тормозом в деле хозяйственного развития, а также просветительской работы".

В связи с арестом епископа Поволжья отца Августина БАУМТРОГА 4 марта из Саратовского ГПУ в Москву была отправлена срочная шифротелеграмма, в которой говорилось:

"Саратовский костел и приход остались без священника.

Поэтому возможно по линии духовенства назначение патером в Саратове не подходящей для нас кандидатуры. Нам же было бы желательно иметь на этом месте объекта, находящегося под нашим влиянием. Из двух, имеющих у нас возможных кандидатур, по ряду соображений... ни одна не подходит. Сообщая упомянутое, просим сообщить нам Ваши соображения или дать указания на этот счет".

16 апреля начальником Бутырской тюрьмы в органы ГПУ было передано заявление от заключенного, находящегося вместе с отцом Августином в изоляторе. Излагая подробности этого разговора, "добровольный помощник" чекистов доносил о рассказанном отцом Августином посещении в июле 1929 года германского посольства, где он встречался с его секретарем по вопросу ходатайства о разрешении на въезд в Германию из СССР как его самого, так и всех священников Республики немцев Поволжья. В посольстве же он сообщил о положении духовенства Католической Церкви в Тираспольской епархии, приведем выдержки из пересказа "добровольного помощника":

"Преследование советской властью Католической Церкви, по утверждению гр. БАУМТРОГА, заключается в поголовных арестах ксендзов, в вымогательствах подписок верующих о, якобы, их желании закрыть костелы, причем эти подписки производятся под страхом всевозможных репрессий тех лиц, которые не желали бы подписаться... Гр<аждаин> БАУМТРОГ в гор<оде> Москве имеет близкого знакомого, гр<аждаина> СОЛОВЬЕВА Сергея, о чем он умолчал при допросах в ОГПУ, который является главным деятелем Католической Церкви в гор<оде> Москве по вербовке русских в католицизм. В 1928 году гр<аждаин> СОЛОВЬЕВ посетил гор<од> Саратов, имел общение с гр<аждаином> БАУМТРОГОМ и тайно совершил службы в Саратовском костеле".

Этот донос дал следствию возможность задать много вопросов отцу Августину и получить много новой информации для последующих арестов.

Основанием ареста в марте 1930 года патера Александра ДОРНГОФА стали поступившие в январе-феврале в Саратовское ГПУ заявление представителя местной власти:

"В селе Роледер имеется священник ДОРНГОФ, который ведет форменным образом агитацию среди населения против всех мероприятий правительства. Имеет вокруг себя актив. Юридически подойти очень трудно, потому что нет такого конкретного материала, и затем свидетели отрицают факт. Все неподвижности в коллективизации происходят он него. Сообщаю, что 19 февраля с<его> г<ода> вечером в 7 часов патер с<ела> Роледер ДОРНГОФ со своим возчиком вел контрреволюционную агитацию".

А 14 марта в ГПУ был представлен рапорт милиционера, сопровождавшего арестованного в тюрьму, где приводились следующие слова отца Александра:

"Правительство хочет увеличить посев на 32%, но этого не будет, а наоборот, посевная площадь будет уменьшена на 60%. Сельские активисты обманывают народ, занимаются уничтожением скота".

Часть священников, имена которых были указаны в утвержденных ранее постановлениях, предвидя арест, скрылась, и в течение полугода чекисты разыскивали их. Об этих поисках в деле есть много протоколов допросов и рапортов, приведем некоторые из них:

"27-го февраля 1930 года в г<орде> Минске задержан гр<аждани>н, назвавший себя ФРЕЗЕР Иосиф Яковлевич, в доказательство чего предъявил удостоверение за № 9 от 14 февраля с<его> г<ода>, выданное Грязновотским сельсоветом Каменского кантона АССР Н<емцев> П<оволжья>. При дальнейшем выяснении оказалось, что задержанным является гр<аждани>н РАУ Франц Петрович, ксендз с<ела> Памятное АССР Н<емцев> П<оволжья>, скрывшийся со своего места жительства, ввиду угрожающего ему ареста".

Отец Франц РАУ для дальнейшего следствия был направлен в Москву, где на допросах так объяснил свои действия перед арестом:

"20 декабря я вернулся из поездки. Дома узнал, что приходил сторож из Совета и сообщил, что приехал милиционер, который вызывает меня к себе. Опасаясь ареста, решил скрыться. Так как я вернулся домой вечером, и никто в селе не знал о моем возвращении, то мы с сестрой решили, не говорить никому об этом. Скрываясь у себя дома, я прожил до 20 февраля. Сестра привезла мне документы на имя ФРЕЗЕРА, с этим документом я намеревался уехать, и, где-нибудь устроившись на работу, скрыться совсем от преследования".

Борьбу с советской властью, по мнению органов ГПУ, немецкое духовенство начало с 1917 года, с момента созыва съезда немцев Республики Поволжья, о чем на допросе показал один из его организаторов:

"На этом съезде был образован "Народный Католический Союз", ставивший своей основной задачей... распространение и укрепление идей католицизма на почве националистических тенденций... Для того, чтобы завоевать молодежь, которая потенциально тяготела к революционному движению, правление Союза поручило мне взять на себя организацию и руководство юношеского союза — "Католического Союза Молодежи". В организацию принималась молодежь с 18-летнего возраста... Эта католическая организация... вела антибольшевистскую работу, имела собственные типографии и издавала газеты".

Арестованные священники являлись для следствия "основателями и руководителями этих к<онтр>р<еволюционных> организаций". Именно результатом работы этих организаций, по версии чекистов, явились первые восстания крестьян в различных районах Поволжья в 1918 году, о которых на допросах показали свидетели и вынуждены были подтвердить сами обвиняемые:

"В 1918 году в Семеновке было восстание крестьян, поводом к восстанию послужил набор новобранцев, которые не хотели служить; началось это восстание в с<еле> Келлер, где красногвардейцы ранили штыком одного новобранца; ночью новобранцы убили военного комиссара и красногвардейцев из Лейхтлинга. Восставшие крестьяне арестовали группу красногвардейцев и советских сотрудников и намеревались их убить. Перед убийством этих людей я потребовал дать возможность им исповедаться, что восставшие и сделали", — из показаний патера А. ШЕНБЕРГЕРА).

"Когда восставшие в с<еле> Келлер, поймав членов сельсовета, красногвардейцев и сов<етских> служащих, обратились к патеру ФИКС с вопросом, что делать с такими людьми, то патер ФИКС

ответил: "Если только будет малейшее подозрение в большевизме, их нужно убивать", — из показаний свидетеля.

"Впервые в с<еле> Келлер был создан сельсовет в мае 1918 года. Кулачество села... создало блок против организованного отряда в селе красногвардейцев... им был выработан план к<онтр>-р<еволюционного> восстания против сов<етской> власти, который осуществился в 1918 году... Участвовало в борьбе против сов<етской> власти около 300 человек, из них человек около 100 добровольцев-кулаков и их сыновей, ими же и по приказанию их было убито около 50 человек красногвардейцев, коммунистов и бедняков", — из показаний свидетеля.

"В 1918 году, во время восстания... патер ШЕНГАЙТЕР играл важную роль среди повстанцев своими указаниями и советами, воодушевляя их, говоря, что тот, кто убьет коммунистов и их сторонников, противников религии, тот заслуживает хорошего уютного места после смерти в царстве небесном", — из показаний свидетеля.

"Революцию большевиков я принял резко враждебно, т<ак> к<ак> считал, что эта власть будет против нашей веры и Бога. Вот почему я принял активное участие в работе Штаба восставших против красных крестьян. Я, действительно, ездил в штаб к повстанцам, т<ак> к<ак> там были арестованы некоторые красногвардейцы нашего села, и мне нужно было указать, что они, действительно, те лица, кои должны находиться под стражей", — из показаний патера Петра РИДЕЛЯ.

После подавления восстания и последующих расстрелов участников, среди которых был и священник Иосиф БАУМТРОГ, — католическое духовенство, по версии чекистов, воспользовавшись голодом в Поволжье, стало готовить в феврале 1921 года следующее выступление крестьян против советской власти, что подтвердили на допросах 1931 года свидетели и священники. Патер Алоизий КАППЕС по этому поводу вынужден был показать:

"В 1918 году организация была разгромлена сов<етской> властью, и в 1921 году отдельные члены ее стали во главе восстания... Я сам принимал участие и способствовал контрреволюционному восстанию в 1921 году, когда был патером в с<еле> Козицкое АССР Н<емцев> П<оволжья>... Тогда я выступил среди собравшегося населения с призывом к борьбе с сов<етской> властью".

Странно, что отец Алоизий не был тогда арестован, если учесть его открытое выступление перед паствой. После разгрома восстания двух священников, отцов Готлиба БЕРЕЦА и Николая КРАФТА, обвиняемых в том, что "они раньше в своих проповедях высказывались против социализма, а позднее, ничего не сделали для ликвидации восстания", постановлением Революционного Трибунала приговорили к расстрелу.

Согласно утверждению следователей, поражение восстания поставило "перед уцелевшими остатками этой организации задачу вновь объединиться и выработать более совершенные методы борьбы с сов<етской> властью". "Созданию" такой организации посвящены многие страницы группового следственного дела, по которому были осуждены 37 человек, и среди них 20 католических священников. По мнению органов ОГПУ, созданию ее благоприятствовало проникновение в Россию ряда

националистических германских организаций, которые "под видом помощи" голодающим Поволжья снабжали священников продуктами и деньгами и "связывали их с заграничными католическими центрами, откуда те получали директивы". Поездка в 1922 и 1924 году патера Алоизия КАППЕСА за границу, в результате которой он собрал значительные суммы денег, была в документах следственного дела представлена как поездка с отчетом о проделанной шпионской работе и получение следующих директив, что вынужденно подтвердил на допросах отец Алоизий:

"В Риме мы составили меморандум, который подали Папе. В меморандуме было 4 раздела: церковь, школа, духовенство, народ... С одной стороны, мы подчеркнули политику репрессий по отношению к Церкви и к нашему народу со стороны сов<етской> власти, с другой стороны, указали на активную политическую позицию, которую занимало духовенство против власти и в борьбе с нею, а также антисоветские настроения немцев Поволжья... Папа одобрил те твердые, непримиримые позиции, которое занимало католическое духовенство в борьбе за Церковь и религию католицизма, он обещал свою поддержку и дал благословение".

Созданию этой же "к<онтр>р<еволюционной> организации католического духовенства", по версии следствия, было посвящено и заседание в Симферополе в 1926 году, о котором обвиняемый патер Петр Вейгель был вынужден показать следующее:

"Все перечисленные выше лица собрались в Симферополе также нелегально у епископа ФРИЗОНА... Предлогом для этого собрания был, якобы, юбилей 25-летней пасторской деятельности ФРИЗОНА. Помимо вопросов чисто религиозного порядка на этом совещании перечисленные лица делали информации о том, как разворачивается работа в приходах. Помимо этого, представители благочиний сообщали о тяжелой жизни прихожан, о непосильных налогах, говорили о целесообразности организации восстания среди крестьян, используя их недовольство в связи с перегибами по коллективизации".

В материалах дела следствием отмечалось, что методы работы католического духовенства изменились, о чем показывали свидетели и вынужден был подтвердить обвиняемый отец Пауль:

"БАУМТРОГ, конечно, понимал, что ведение к<онтр>-р<еволюционной> работы в открытых формах по примеру 1918-1919 г<одов> в советских условиях обречено на прямой и быстрый крах, и в обстановке сегодняшнего дня предлагал нам в проповедях и молитвах осторожно использовать метод косвенной антисоветской обработки масс. Основным орудием "антисоветской борьбы, главным методом воздействия на массы, нейтрализующим советское влияние, была, преимущественно, проповедь. БАУМТРОГ настаивал, в частности, на повторном изложении в проповедях основ католического вероучения, увязывая их с разоблачением "безбожничества".

Показывая на допросах о косвенных методах, обвиняемые отмечали особую роль проповедей и исповедей, а также нелегального обучения детей школьного возраста Закону Божьему и вербовке молодых девушек в католический монастырь в Зальцбурге (Австрия). Об этом в деле есть много показаний, приведем некоторые из них:

"БАУМТРОГ давал нам указания, что советскому влиянию, разрушающими Церковь, необходимо противопоставить хорошую работу по религиозному воспитанию населения и всеми способами укреплять веру и религиозное чувство путем проповедей".

"Я не отрицаю, что с начала существования сов<етской> власти до самого последнего времени направлял свою деятельность в селе против посещения крестьянами, молодежью и детьми избы-читальни, нар<одного> дома, спектаклей и т<ак> д<алее>. Использовал я при этом проповедь, частные разговоры и исповедь. Советовал я также родителям заниматься обучением своих детей Закону Божьему".

"Мне приходилось слышать проповедь патера ШЕНГАЙТЕРА в 1925 году во время конфирмации, в которой он призывал родителей не пускать детей на танцы и в театр, потому что там дети их будут развращены, будут сбиты с истинной дороги и потеряют свои души".

Говоря об огромном влиянии, которое имело католическое духовенство на значительную часть населения немецких колоний, органы ГПУ связывали это с "их отсталостью и религиозной фанатичностью". Не принимая во внимание, что в Поволжье в то время "почва, вообще, была накалена: быстрые темпы коллективизации, частнособственнический дух и традиции немцев-колонистов, перегибы местных сов<етских> органов" — все это могло привести к восстаниям крестьян в конце 1929-начале 1930 года, недовольных раскулачиванием, следствие связывало их с работой духовенства и добилось признательных показаний обвиняемых:

"То восстание, которое было на Волге в начале 1930 года являлось следствием нашей антисоветской работы, являлось логическим результатом почти трехлетней обработки немецкого населения со стороны патеров после назначения БАУМТРОГА".

"В период раскулачивания у БАУМТРОГА состоялись нелегальные совещания, где выслушивались информации с мест о ходе раскулачивания. Мы пришли тогда к таким положениям: коллективизация — против Церкви и католической веры, что у нас нет кулаков, а есть только несправедливо страдающие немцы-колонисты", — из показаний Алоизия КАППЕСА.

"Роль патера БЕЙЛЬМАНА в имевшем у нас место разгроме колхоза была руководящей: 1) на все села округа был только в одном Келлере патер БЕЙЛЬМАН. К нему изо всех сел съезжались верующие на исповедь, которая тянулась весь декабрь, а в первых числах января почти в одно время во всех католических селах пошли разгромы колхозов", — из показаний свидетеля.

Следствию этих признаний было недостаточно, поэтому оно добивается от некоторых обвиняемых более серьезных показаний против себя, написанных, якобы, "добровольно":

"Я делал ставку на правую оппозицию внутри партии. Я считал, что правая оппозиция стащит партию с классовой линии, подчинит себе руководящие органы и постепенно поведет советскую власть по пути мирного перерождения <...> Однако, часть к<онтр>-р<еволюционных> представителей нашей Церкви <...> по существу, верила или в интервенцию, или во внутренние силы реакции, которые должны были быть мобилизованы на к<онтр>-р<еволюционное> восстание под идеологическим руководством Католической Церкви <...> Это восстание прежде всего должно быть не сепаратное, а всеобщее <...> а это последнее могло дать толчок и за пределами

Нем<ецкой> республики", — из показаний Алоизия КАППЕСА.

Отмечая "временные успехи в работе к<онтр>р<эволюционной> организации, которые нашли свое самое яркое выражение в массовом к<онтр>р<эволюционном> выступлении в немецких колониях в конце 1929 года", следствие объясняло их следующим обстоятельством, что подтвердили обвиняемые:

"Церковная иерархия уже была готовой системой для контрреволюционной работы. Церковь была только ширмой, маскирующей к<онтр>р<эволюционную> работу, а также являлась той внешней оболочкой, которая ее идеологически оформила <...> Патер имеет в своих руках аппарат, который он может использовать, как для ведения работы шпионской, так и для активной к<онтр>р<эволюционной> деятельности, причем звенья и нити этой сети находятся полностью у него в руках".

Руководителями "к<онтр>р<эволюционной> организации" были выбраны следствием трое священников, что было подтверждено показаниями как свидетелей, так и обвиняемыми:

"Во главе организации стояли: КАППЕС, БАУМТРОГ и ВЕЙГЕЛЬ, которые составляли центр организации к<онтр>р<эволюционного> руководства <...> КАППЕС был практиком-организатором, налаживающим связи и группирующим вокруг себя людей. БАУМТРОГ же был идеологом <...> В качестве руководителя организации был выдвинут БАУМТРОГ по следующим соображениям: он был с высшим образованием, его активная борьба с сов<етской> властью и к<онтр>р<эволюционное> прошлое делали его подходящей кандидатурой для Ватикана <...> Руководство католической организацией по трем линиям: 1) из Ватикана, 2) из националистических германских центров, 3) из германской разведки".

Все связи с посольством Германии в Москве, по показаниям свидетелей и священников, осуществлял патер Алоизий КАППЕС, и на допросах он не отрицал этого:

"Я, в частности, сам бывал в германском посольстве и беседовал там по этому поводу <...> Советник согласился предоставить нам право воспользоваться дипломатической почтой для взаимной переписки и переотправке денег Ватикана из Германии в Москву <...> В целях облегчения священникам ведения к<онтр>р<эволюционной> работы, руководство организаций в Германии указало на необходимость использования полученных из Ватикана средств в направлении поднятия авторитета Церкви перед верующими".

Обвиняя руководителей "к<онтр>р<эволюционной> организации" в шпионской деятельности, следствие располагало пространными показаниями свидетелей и многих "участников организации":

"БАУМТРОГ интересовался социально-политической обстановкой наших приходов, в целях чего требовал предоставления ему информационных сведений — сколько в приходе верующих, сколько неверующих, сколько членов ВКП(б), сколько комсомольцев <...> Он задавал мне вопросы: как проходят хлебозаготовки, собирается налог, размеры налога, как относятся крестьяне к налогам и хлебозаготовкам, как проходит коллективизация и отношение к ней крестьян", — из показаний свидетеля.

"Считаю необходимым подробно остановиться на вопросах,

которые задавал мне БАУМТРОГ, относящиеся к моей военной службе <...> Где помещается ваш полк? Где находится дивизия? Какое питание, обмундирование, быт, учеба? Какое настроение в армии по отношению к сов<етской> власти?" — из показаний свидетеля.

"Поскольку я передал в Ватикан сведения о политической борьбе духовенства и реакционных элементов из среды немцев-католиков Поволжья, против сов<етской> власти, проинформировал о положении в СССР немецкого населения, обрисовал его а<нти>с<оветское> настроение и тяжелое экономическое состояние, — я признаю, что мои действия были шпионскими и контрреволюционными", — из показаний Алоизия КАППЕСА.

"Все собираемые шпионские сведения БАУМТРОГ и КАППЕС передавали германскому посольству в Москве <...> От сотрудника германского посольства КАППЕС и БАУМТРОГ получали указания в направлении ведения разведывательной работы".

После поражения восстания, по убеждению чекистов, "зачинщики восстания, желая избежать наказания, заранее подготовились к бегству за границу". Об этой подготовке было получено много показаний на допросах, например, о том, что: отец Алоизий КАППЕС наладил связи с лицами, занимающимися изготовлением подложных документов, и приобрел их; одновременно им велись переговоры с германским посольством об оказании помощи ему и другим священникам в нелегальном переходе границы и последующей поддержке за границей, причем за границей они, по показаниям отца Алоизия, "должны были добиться аудиенции у Папы и настоятельно требовать от него выступления против СССР".

Большинство из обвиняемых священников "идейно отмежевались от к<онтр>р<еволюционной> линии отдельных представителей Католической Церкви Поволжья", "добровольно" написав подробнейшие показания и подписав все обвинения против себя, и, особенно, против руководителей. Все знакомые священников, кто доставал им документы, кто прятал их у себя на квартирах, договаривался с друзьями или родственниками за границей о их приеме, были также арестованы и осуждены.

10 апреля и 11 мая 1931 года были утверждены "Обвинительные заключения" на 20 и 16 человек по общему делу немецкого католического духовенства. Приведем выдержки из обвинений отца Августина БАУМТРОГА, сконцентрировавшие показания свидетелей и арестованных:

"БАУМТРОГ обвиняется в том, что,

а) начиная с 1917 года, вел активную борьбу с сов<етской> властью, организовал контрреволюционеров в "Народный Католический Союз", которым руководил, выступал в печати с призывами к борьбе против большевиков <...>,

б) являлся организатором и руководителем-идеологом ликвидированной к<онтр>р<еволюционной> организации католического духовенства, получал для ведения к<онтр>р<еволюционной> работы директивы, указания и деньги из-за границы от Папы Римского и от германских фашистских и религиозных организаций <...>,

в) вел шпионскую работу для Германии и Ватикана <...>,

г) принимал непосредственное и активное участие в организации повстанческого движения <...>,

д) вел систематическую работу по организации эмиграционного движения нем<ецких> колонистов <...>

В инкриминируемых ему преступлениях БАУМТРОГ сознался частично, но уличается показаниями".

20 апреля 1931 года двадцать обвиняемых были осуждены: руководители и активные члены к "РАССТРЕЛУ с заменой заключением в концлагерь, сроком на ДЕСЯТЬ лет", остальные священники — к заключению в концлагерь на сроки от 5 до 10 лет. Имущество осужденных было конфисковано, а их семьи высланы. 6 июня 1931 года были осуждены следующие 16 человек: священники — на 3 года концлагеря с заменой на высылку в Северный край, остальные — высланы на три года.

В заключение приведем выдержку из статьи патера Августина БАУМТРОГА

"Социализм с точки зрения общественной, хозяйственной и религиозной", в которой он в противовес известным словам БАБЕЛЯ: "Христианство и социализм стоят друг против друга, как огонь и вода", — заявил: "Все же в утешение я каждому верующему могу сказать: мы, христиане, охотно примем на себя здесь выполнение роли воды. Уже много пожаров потушило христианство; оно справится и с огнем красных товарищей".